

А. А. Лушников

Византийский император — сюзерен русских князей? Отзыв на статью И. А. Шершневой-Цитульской («Христианское чтение» № 3 за 2022 г.)

УДК 659.131.84+94(470):94(495)
DOI 10.47132/1814-5574_2022_4_212
EDN TKZGIN

Аннотация: Статья содержит критический отзыв на исследование И. А. Шершневой-Цитульской «К вопросу о церковной юрисдикции над русскими князьями в контексте русско-византийских отношений (XI — середина XV вв.)». Автор указанной статьи пытается показать зависимое положение русских князей под юрисдикцией византийских властей — и прежде всего императора, называемого сюзереном. Показывается, что подобная точка зрения неоднократно высказывалась ранее в историографии еще в XIX в., анализируются дискуссии отечественных и зарубежных исследователей XX в. по данному вопросу. В целом, автор рассматриваемого материала обращается к целому ряду проблем, но ни в одну из них не углубляется. Приводимые И. А. Шершневой-Цитульской факты свидетельствуют скорее о номинальном превосходстве императора, нежели о реальных правовых механизмах, которые могли сделать русских князей подчиненными византийским властям. Более продуктивно было бы рассмотреть источники, выражающие реальные притязания Византии, — например Окружное послание патриарха Фотия 867 г. или историю с возможной юрисдикцией византийских властей над Галицкой землей в XII в., и сравнить их с другими многочисленными «свидетельствами», а также подробным образом изучить византийские акты. Кроме того, политическая доктрина «православной империи» не была единственной — нельзя упускать из внимания и собственные доктрины находящихся «под опекой» народов. В итоге, как нам видится, едва ли справедливо рассматривать русско-византийские отношения через призму схемы «сюзеренитет — вассалитет», которая относится к западной феодальной практике.

Ключевые слова: Церковь, Византийская империя, Русь, сюзерен, вассал, юрисдикция, право, русские князья, император.

Об авторе: Александр Александрович Лушников

Кандидат исторических наук, член Общественной палаты Пензенской области.

E-mail: lushnikov1@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8692-3935>

Для цитирования: Лушников А. А. Византийский император — сюзерен русских князей? Отзыв на статью И. А. Шершневой-Цитульской («Христианское чтение» № 3 за 2022 г.) // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 212–221.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2022

Alexander A. Lushnikov

Is the Byzantine Emperor the Overlord of the Russian Princes?
A Response to the article by I. A. Shershneva-Tsitulskaya
(*Christian Reading* No. 3 for 2022)

UDK 659.131.84+94(470):94(495)
DOI 10.47132/1814-5574_2022_4_212
EDN TKZGIN

Abstract: The article contains a critical review of the study by I. A. Shershneva-Tsitulskaya “On the Question of Church Jurisdiction over Russian Princes in the Context of Russian-Byzantine Relations (11th – mid-15th Centuries)”. The author of this article is trying to show the dependent position of the Russian princes under the jurisdiction of the Byzantine authorities – and above all the emperor, called overlord. It is shown that a similar point of view was repeatedly expressed earlier in historiography in the 19th century, and discussions of Russian and foreign researchers of the 20th century on this issue are analyzed. In general, the author of the material under consideration addresses a number of problems, but does not delve into any of them. The facts cited by I. A. Shershneva-Tsitulskaya testify rather to the nominal superiority of the emperor than to real legal mechanisms that could make the Russian princes subordinate to the Byzantine authorities. It would be more productive to consider the sources expressing the real claims of Byzantium – for example, the Circular Epistle of Patriarch Photius of 867 or the history of the possible jurisdiction of the Byzantine authorities over the Galician land in the 12th century, and compare them with other numerous “evidence”, as well as in a detailed way study Byzantine acts. In addition, the political doctrine of the “Orthodox empire” was not the only one – one should not lose sight of the own doctrines of the peoples “under guardianship”. As a result, as we see it, it is hardly fair to consider Russian-Byzantine relations through the prism of the “suzerainty-vassalage” scheme, which refers to Western feudal practice.

Keywords: Church, the Byzantine Empire, Old Russia, suzerain, vassal, jurisdiction, law, Russian princes, Emperor.

About the author: **Alexander Alexandrovich Lushnikov**

Ph. D. in History, Member of the Public Chamber of Penza Region.

E-mail: lushnikov1@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8692-3935>

For citation: Lushnikov A. A. Is the Byzantine Emperor the Overlord of the Russian Princes? A Response to the article by I. A. Shershneva-Tsitulskaya (*Christian Reading* No. 3 for 2022). *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 4, pp. 212–221.

Концепция И. А. Шершневой-Цитульской о взаимоотношениях государства и Церкви в Древней Руси и юридической стороне русско-византийских отношений, безусловно, вызовет интерес и дальнейшие отклики среди исследователей. Сама тема правовых основ церковного суда над князьями, вопрос о возможных ограничениях власти князей — все эти темы достаточно актуальны и должны обсуждаться в научных кругах. Впрочем, как и любые важные вопросы, они крайне сложны, а излагаемые точки зрения — не лишены противоречий и дискуссионных моментов.

В своей статье «К вопросу о церковной юрисдикции над русскими князьями в контексте русско-византийских отношений (XI — середина XV вв.)» [Шершнева-Цитульская, 2022] И. А. Шершнева-Цитульская излагает свою идею об отношениях Церкви и государства в Древней Руси с «правовой точки зрения». Автор стремится показать, что вопросы церковной юрисдикции над русскими князьями являются малоисследованными, однако тема недостаточно разработана не потому, что мало источников, и даже не потому, что исследователи ней не обращались, а потому что ей не была дана «правовая интерпретация» [Шершнева-Цитульская, 2022, 185].

Обращаясь к историографии, И. А. Шершнева-Цитульская проводит мысль о том, что в ней утверждается идея независимости светской власти на Руси от византийского императора, роль последнего якобы никак не учитывалась в исследованиях [Шершнева-Цитульская, 2022, 185–186]. Большая часть статьи посвящена доказательству обратного: автор пытается уверенно ввести императора в круг «значимых игроков» на правовом поле. Только некоторые моменты в статье посвящены собственно юрисдикции митрополитов над княжеской властью — через церковную организацию Византия, по мнению автора, могла оказывать влияние на внешние территории.

Очень жаль, что И. А. Шершнева-Цитульская обратилась фрагментарно или не обратилась вовсе ко многим работам, посвященным русско-византийским взаимоотношениям. Положения об ограниченном суверенитете русских князей, строго говоря, не новы, и исследователи вовсе не игнорировали правовой аспект рассматриваемой проблемы. Идеи о том, что Русь была вассалом-сателлитом Византии, высказывались еще в XIX — первой половине XX вв. В. С. Иконниковым [Иконников, 1889], П. П. Соколовым [Соколов, 1913] и М. А. Дьяконовым [Дьяконов, 1889] (выводы и интерпретации последнего во многом совпадают с таковыми И. А. Шершневой-Цитульской, хотя его работа и цитируется в статье исследовательницы лишь пару раз).

А далее в науке развернулась целая дискуссия о подчиненном положении Руси, и ее мы игнорировать не вправе. Так, в 30-е годы XX в. к этой теме обратился А. А. Васильев [Vasiliev, 1932, 350–360], который истолковал отношения Византии и Руси с позиций вассалитета и сюзеренитета (именно сюзереном Константинополь называет и И. А. Шершнева-Цитульская). По его мнению, если языческая Русь была полностью независимой и, судя по официальным документам (договорам), Византия относилась к ней как к независимому государству, то с принятием христианства положение кардинальным образом меняется [Vasiliev, 1932, 351]. А. А. Васильев утверждал, что греческий митрополит был представителем не только патриарха, но и императора, а его полномочия распространялись не только на дела духовные [Vasiliev, 1932, 352]. Свою точку зрения исследователь подкреплял разными источниками, главными из которых стала глава из «Хронографии» Михаила Пселла «О восстании россов», посвященная войне Руси с Византией 1043 г., — ее он интерпретировал как свидетельство сюзеренитета Византии над Древнерусским государством [Vasiliev, 1932, 353]. Далее исследователь особо выделял факт наличия титула «стольник» у русского князя как выражение его вассалитета (см.: [Vasiliev, 1932, 353–354]). А. А. Васильев, однако, отмечал, что с ростом влияния Северо-Восточной Руси, удаленной от Константинополя, подобная юридическая зависимость все более не соответствовала многим устремлениям русских князей, и Андрей Боголюбский был первым, кто решил не следовать указаниям Константинополя [Vasiliev, 1932, 356]. Тем не менее, еще в документах XIV–XV вв. юридическая зависимость не только остается, но и даже с ослаблением

Византии демонстрируется еще более широко — в послании к князю Василию I патриарх пишет о существовании одного императора и для Константинополя, и для Руси (см.: [Vasiliev, 1932, 358–359]). И только с падением Византии Русь становится идеологически ее преемницей.

Сам А. А. Васильев видел всю противоречивость проблемы. Он отмечал, что на основании приведенных им источников можно сделать вывод как о том, что Русь была византийской провинцией, так и о полной ее самостоятельности. Исследователь особо выделял, что все источники говорят прежде всего о существовании политической доктрины сюзеренитета Империи над Русью, как и над другими странами и народами, и очень часто эта доктрина была сильнее теоретически, нежели практически. И зависимость эта воспринималась прежде всего со стороны Византии! Также исследователь отмечал, что восприятие вассальных отношений Константинополя и Руси существовало и в странах Западной Европы в XII в. (по Адаму Бременскому), но для самой Руси все было намного сложнее. Принятие христианства, появление митрополита из Византии все же означало вассалитет, но с ростом собственных сил и влияния в этом государстве поняли, что своим сюзеренитетом Константинополь «как следует» пользоваться не может (см.: [Vasiliev, 1932, 359–360]).

Идеи о политической зависимости Руси от Византии некоторые исследователи брали на вооружение и позднее, причем даже в более радикальных формах; в 80–90-е годы это были Ф. Кэмпфер (Русь для него была «византийской колонией на Киевских горах»; см.: [Kämpfer, 1983, 101–110]) и Р. Макридес [Macrides, 1992].

Точка зрения о вассальных отношениях Руси к Византии была подвергнута критике уже сразу после выхода статьи А. А. Васильева. Г. Острогорский отверг любую политическую зависимость русских князей и связал подобные «зависимые отношения» с существованием «мирового иерархического порядка», где Русь должна была так или иначе учитывать субординацию с «главой» этого «порядка» — Византией [Ostrogorsky, 1936].

Эти идеи развил Д. Оболенский, автор известной теории «византийского содружества наций» [Obolensky, 1971]. И. А. Шершнева-Цитульская упоминает в своей работе Д. Оболенского лишь для ссылки на давно известный факт упоминания о титуле «стольников византийского царя» у московских князей в XIV в. [Шершнева-Цитульская, 2022, 187]. Однако было бы неплохо подробно рассмотреть сами положения «византийского содружества наций» с юридической точки зрения, ведь оно стало альтернативой двум предыдущим точкам зрения. По Д. Оболенскому, правители Руси все же признавали юрисдикцию императора, что давало основания для его юрисдикции над ними [Obolensky, 1971].

Впоследствии идеи о вассальной зависимости Руси от Константинополя подверглись критике Ев. Хрисосом [Chrysos, 1992] и К. Манго [Mango, 1998, 297–313]. Особо интересной выглядит позиция первого исследователя, написавшего статью, посвященную разбору точки зрения А. А. Васильева и близких ему авторов, с аналогичным названием. Ев. Хрисос вполне справедливо отметил, что восприятие византийского канонического права на Руси и в других странах «содружества» не могло автоматически означать принятие византийского императора как верховного правителя — наоборот, местные князья стали использовать его «статус» (см.: [Chrysos, 1992, 235–236]). Остальные источники, приводимые А. А. Васильевым и другими исследователями, также, по мнению Ев. Хрисоса, говорят скорее о том, что Византия была «источником», «образцом», «учителем», но никак не реальным сюзереном (см.: [Chrysos, 1992, 237–240]). При этом известное сообщение Михаила Пселла интерпретировать как свидетельство вассалитета нельзя — в самом тексте нет нигде упоминаний о том, что россы Империи когда-то подчинялись (см.: [Chrysos, 1992, 237–240]). Подобным образом исследователь рассматривает другие источники, которые были, по его мнению, неверно интерпретированы. Вывод Ев. Хрисоса — определенное византийское «содружество» со своей «солидарностью», сфокусированной на Константинополе, существовало, но ни о какой организационной политической структуре речи идти не может, а дипломатический

протокол был очень специфичен и в принципе не является свидетельством реальных политических дел (см.: [Chrysos, 1992, 243–245]).

Столь же досадно, что И. А. Шершнева-Цитульская не обратилась к фундаментальной работе Г. Г. Литаврина, где показывается вся палитра противоречивых отношений Руси и Византии как в политическом, так и в культурном плане [Литаврин, 2000]. Особенно важными представляются нам выводы ученого об историчности позиции имперских властей по тем или иным вопросам, в том числе в отношении Руси. Поэтому, изучая вопрос об императоре как «значимом игроке», нужно обязательно понимать, о каком времени идет речь. Кроме того, особо выделим сравнение Г. Г. Литавриным доктрин государственной власти на Руси и в Византии. Остались без внимания и важные выводы прот. Иоанна Мейендорфа, его критика применения самих «западных» терминов «сюзерен» и «вассал» применительно к истории русско-византийских отношений [Мейендорф, 1990].

Тем не менее И. А. Шершнева-Цитульская начинает со времен Крещения Руси и пишет, что соответствующие внутренние и внешние политические действия князя Владимира (участие в подавлении мятежа Варды Фоки, династический брак, принятие христианства, его распространение) не скреплены «договором 987 г.» и являются результатом «личного договора». В свое время А. А. Васильев также связывал крещение Руси с неким «соглашением» между князем Владимиром Святославичем и императором Василием II, но отмечал, что его конкретное содержание остается загадкой (см.: [Vasiliev, 1932, 251–252]). При этом он считал, что отсутствие зафиксированного договора о «принятии Русью христианства» было следствием признания императором русских как подданных. Однако в таком случае и со стороны Византии никакого «акта» не было, да и после крещения Руси подобный межгосударственный договор был заключен уже в 1043 г. (см.: [Литаврин, 1967, 347–353]).

Полагаем, что дело здесь именно в характере самого события. Так, в предшествующих статьях о языческих временах летописцы излагали текст договоров князей Олега, Игоря, Святослава и писали о таковом уже после принятия христианства — договор 1043 г. Очевидно, что акт крещения рассматривался современниками (и прежде всего книжниками) в ином качестве, нежели конкретные договоренности после русско-византийских войн. Книжники показывали, что крещение — это всецело результат Божественного Провидения, поэтому им даже странно было бы показывать его как результат договора между двумя правителями. У нас нет источников, которые могли бы дать информацию о подобных «договорах» во время крещения других народов Европы, нигде здесь мы подобных документов также не наблюдаем. Сам акт крещения заменял договор, поэтому мысли о том, считать ли такой «личный договор» «нормативным», или нет, лишены смысла.

Странным, однако, выглядит вывод И. А. Шершневой-Цитульской о том, что такой «личный договор» не создавал никаких «новых правовых норм, направленных на неоднократное применение» [Шершнева-Цитульская, 2022, 186] — все-таки создавалась целая церковная организация со своим уставом и правилами. Другой вопрос, что у нас мало источников, чтобы уверенно судить о правовых основах существования Церкви на Руси в ее первые века.

Интересно, что христианизация на Руси действительно не имела под собой каких-либо формальных, письменно закрепленных законодательных актов. В Повести временных лет (по Лаврентьевскому списку) читаем, что кн. Владимир называл нежелающих креститься «противными ему», т. е. они впадали в немилость и становились врагами: «посемь же Володимир посла по всему граду глаголя, аще не обрящеться кто на завтра на реце богат ли ли оубог ли нищ, ли работник противен мне да будет»; вариант прочтения в Радзивилловском списке и списке Московской духовной академии — «противник» [ПСРЛ, 1926, 117].

Таким образом, распространение христианства кн. Владимиром фактически осуществлялось по обычному праву — Закону Русскому. Все не желающие креститься объявлялись «противными» («противниками») великому князю. С одной стороны,

это становилось прежде всего внутренним делом Руси, с другой стороны, оставляло широкий простор для действий самих правителей.

Поэтому именно от конкретных действий княжеской власти во многом зависела судьба церковной организации, поэтому роль князя не должна принижаться. И. А. Шершнева-Цитульская, в свою очередь, делает все, чтобы показать исключительную роль византийского императора в истории Церкви на Руси. Она особо отмечает «обращение князя Владимира с просьбой о принятии христианства не к патриарху как главе Церкви, а к императору как верховному правителю православной империи» [Шершнева-Цитульская, 2022, 186]. Автор связывает это с известной политико-религиозной доктриной Византии о том, что народы, принимающие христианство, вступают в состав Империи и подданство императору, пусть даже номинально по факту. Как это может служить свидетельством реальной юридической зависимости князей, остается загадкой.

Кроме того, И. А. Шершнева-Цитульская отмечает, что к X–XI вв. в Византии «прослеживается тенденция подчинения Церкви государству, которая со временем могла привести к поглощению церковного механизма государственным механизмом» [Шершнева-Цитульская, 2022, 188], и, хотя эта тенденция и не пришла к своему логическому завершению, император мог с помощью хрисовулов управлять любой внешней митрополией. И вот здесь автор подходит к самому противоречивому и неоднозначному своему выводу — о возможности византийского императора напрямую управлять делами на Руси через Церковь.

Здесь хотелось бы отметить два момента. Первый связан с тем, что, согласно Повести временных лет, все отношения между Русью и Византией строились, в конечном счете, на отношениях между князем и императором. Особенно ярко это показано в летописной статье о княгине Ольге и императоре Константине Багрянородном. Все взаимоотношения в политическом и религиозном планах строятся именно вокруг этих фигур, и в летописи рассказ о них даже приобретает черты народного сказания о мудрой княгине, «переключавшей» императора [ПСРЛ, 1926, 60–62].

Интересно, что со времен императоров Зинона и Юстиниана I патриарх, исходя из Кодекса Юстиниана, считался руководителем всех церковных дел в Империи [Православная энциклопедия; Медведев, 1989, 216–240]. В «Исагоге» (IX в.) именно патриарх имел право принимать в лоно Церкви кающихся еретиков и отступников либо поручать это другим лицам [Православная энциклопедия]. Что касается византийских императоров, то их деятельность «в поддержку православия» носила характер импровизации [Православная энциклопедия]. Вполне логично, что императоры, ведавшие внешней политикой и сношениями с другими народами, способствовали христианизации последних, и что именно к ним обращались древнерусские князья.

Трудно говорить о том, в какой мере князья — вчерашние язычники — знали тонкости идеологии православной империи, обращаясь якобы «к императору как верховному правителю»: возможно, как указывал Г. Г. Литаврин, для них были более интересны материальные ценности и раздаваемые престижные титулы [Литаврин, 2000, 341].

Кроме того, сам нарратив Повести временных лет о крещении Руси намного шире, нежели просто мотив обращения к императору и взаимоотношений между двумя государствами. Принятие христианства — это результат Божьего Провидения, а не договора с правителем Византийской империи, который только играл в этой истории свою роль. Все начинается с мотива о выборе веры и о посольствах к болгарам, немцам, грекам. Пришедшие к последним были с честью приняты царем, который направил послание патриарху: «да пристрой церковь и клирос» [ПСРЛ, 1926, 107]. Император здесь выглядит действительно первой фигурой, хотя патриарх все же упоминается. Однако главное — то, что его роль все-таки и не преувеличивается и каких-либо откровенно провизантийских сюжетов о православной империи и подчиненной позиции Руси и великого князя мы не видим. Сам кн. Владимир, внезапно заболевший слепотой, крестился по наставлению царицы Анны, нет прямого

обращения к императору и в статье о самом крещении — великий князь приехал с царицей, еп. Настасом и попами «курсунскими» [ПСРЛ, 1926, 109–111]. В историографии даже появились точка зрения, согласно которой Русь приняла христианство от «курсунских» священников, придерживавшихся неортодоксальной версии христианства, близкой к арианству, либо первоначально фактически управлялась Анастасом Курсунянином в силу постоянных отъездов митрополита в Византию [Кузьмин, 2004]. Разбор подобных концепций — отдельная тема, однако само их наличие говорит о более неоднозначном становлении церковной организации, нежели как результат действий «всемирного императора».

Второй важный момент возвращает нас к идеологическим моментам «православной империи», где сам собой возникает вопрос: какое реальное влияние она оказывала на русско-византийские отношения, на становление и развитие государства и церковной организации на Руси? Существовали ли реальные юридические механизмы, которые были способны обеспечить действительность этой идеологии?

Как указывалось выше, сами идеи «православной империи» Византии в свете русско-византийских отношений не раз рассматривались в историографии, не раз рассматривались и приводимые И. А. Шершневой-Цитульской «факты», будь то статус «кравчего» у кн. Михаила Тверского в обращении к императору Андронику II в 1318 г. или цитаты из хрисовула императора Иоанна VI Кантакузина 1347 г. [Шершнева-Цитульская, 2022, 187, 190]. Здесь можно приводить и большое количество других примеров, таких как послание патр. Антония великому князю Московскому Василию 1397 г., упоминание в стихире Рождества Христова «августу единоначальствующу на земли» и других. Все они, однако, указывают на номинальную сторону «значимости» византийского императора — но можно ли их использовать для надежной «правовой интерпретации», отображают ли они «юридически значимые факты»? Единственным документом, который можно более уверенно отнести к выражению реальных политических претензий, — это Окружное послание патр. Фотия 867 г., упоминающее т. н. Аскольдово крещение Руси. Здесь русы вводятся в число «подданных и гостеприимцев (друзей) наших» [Россейкин, 1915, 384–405], но, как верно заметил Ев. Хрисос, методологически неверно ставить в один ряд источник IX в. и источники XIV в. как составленные в разных исторических условиях [Chrysos, 1992, 242].

В связи с этим было бы более продуктивно рассмотреть источники, в которых прослеживается не сюзеренитет, но хотя бы авторитет или некоторые политические притязания Византии — например, источники, относящиеся к Галицкой земле, особенностям взаимодействия Византии с кн. Владимирко Володаревичем и возможностью временного существования прямой юрисдикции императора над этой областью (именно Галицкую землю, вероятно, имел в виду Отто Фрейзенгский, когда сообщал об обращении германского короля Конрада III к императору по поводу убийства и ограбления немцев «на Руси» в 1145 г.) — если в случае галицкого князя историк Иоанн Киннам употребляет термины, связанные с подчинением, то в отношении князя киевского ситуация другая [Chrysos, 1992, 238–239].

На фоне фактов, касающихся номинального влияния византийских властей на княжескую власть, довольно интересными выглядят упоминания И. А. Шершневой-Цитульской об использовании анафемы митрополитами в политической борьбе [Шершнева-Цитульская, 2022, 189–190]. К сожалению, из них не вполне ясно, какую роль во всех перечисленных событиях действительно играла Византия и действовали митрополиты только от своего имени или от имени византийских властей, не учитывая позицию князей.

Тем не менее, идеологию «православной империи» едва ли стоит считать чисто умозрительной. Распространение политического влияния на народы Восточной Европы и Балкан было одной из главных внешнеполитических целей Византии как минимум с IX в. Особенно это касалось соседей, земли которых раньше входили в состав Римской империи. Прямое завоевание использовалось тогда, когда для этого хватало ресурсов: «Когда Юстиниан отвоевывал Италию или Василий II громил

Болгарскую империю и восстанавливал старые римские укрепления на Дунае, они тем самым утверждали имперскую традицию, благо у них были средства для прямого и последовательного навязывания своей власти. Однако по мере убыли военной мощи империи такой подход становился все менее реалистическим» [Мейендорф, 1990, 19].

Для периодов внешнеполитических неудач и напряженности чуть ли не сакральной становится идея мира и мирных отношений. Так, в титулатуре византийских императоров в IX в. все чаще появляется наименование «мирник», «мирный», «тихий», «тишайший». Феодор Дафиопат отмечает все преимущества мира перед войной, ибо «Бог — царь мира и любви», а Николай Мистик в письме к царю Симеону и архиепископу Болгарии — что только благодаря крещению «нечестивые болгары» пришли к любви и единению, но затем «Божье дело» было порушено, война против избранного народа — ромеев — есть богоотступничество и только путем «святого сыновства» можно будет прийти к миру [Малахов, 1995, 19–31].

Так или иначе, к XI в. была завоевана Болгария, в зависимости оказались Сербия и Хорватия, «интегрировались» в Империю южные славяне. И, мягко говоря, наивно полагать, что в славянской среде, в том числе на Руси, всегда с великой радостью князья заявляли о своем «подданстве» Империи и рассматривали свою «зависимость» как честь. Если мы говорим о «наименованиях» и «иерархии», нельзя говорить об уничижительном в своей сущности термине «греки», которым щедро награждались гордые «ромееи» сначала в латиноязычной литературе (Исидор Севильский, Анастасий Библиотекарь), а затем и в ключевых славянских текстах — житии свв. Константина и Мефодия и сказании «О письменах» Черноризца Храбра [Литаврин, 2000, 346]. Интересно, что негативная характеристика «греков» родилась именно в западных произведениях: Анастасий Библиотекарь писал о коварстве и лукавстве греков, и этот образ перешел даже в Повесть временных лет — «греци лстивы до сего дни» [ПСРЛ, 1926, 71].

Существование подобного «неуважительного» отношения сделало возможным появление альтернативных доктрин высшей государственной власти у народов т.н. «византийского содружества», где Божественное происхождение принадлежит княжеской власти. Доктрина «православной империи» не была единственным фактом политической реальности.

Так, в «Слове о законе и благодати» митр. Илариона читаем: «Похвалим же и мы, по силе нашей, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворьшааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже вь своа лета владычествующе, мужьством же и храборьством прослуша вь странахь многах, и победами и крепостию поминуются ныне и словуть. Не в худе бо и неведоме земли владычествоваша, но в Руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли» [БЛДР, 1997, 40].

Византийский император здесь выступает не полноправным «игроком», а нормативным образцом, идеалом правителя: «Подобниче великааго Коньстантина, равномне, равнохристолоубче, равночестителю служителем его!» [БЛДР, 1997, 48].

Здесь мы видим важный тезис о том, что служение императора и служение князя равны между собой. Великий князь Владимир Святославич оказывается «равночестителем» — т.е. ему следовало подавать такие почести, как и самому императору. По Божественному Провидению те же действия, которые совершил император Константин, выразились в деяниях кн. Владимира: «закон человеком» на Никейском Соборе — «закон в человецех сих ново познавших Господа», покорение царства в «елинех и римлянах» Богу — то же самое на Руси («уже бо и в онех и в нас Христос царем зовется»), деяния матери Константина Елены — деяния бабушки Владимира Ольги [БЛДР, 1997, 48, 50].

Словом, великий князь прямо называется «подобником» византийского императора, однако знак равенства между князем и императором ставить едва ли справедливо. Наименование князя «самодержцем» означало лишь его власть над независимой

страной, а прибавление к нему титула «василевс», «царь» означало бы титулатуру, равную императорской [Литаврин, 2000, 329–330]. Наличие такого соединения в титуле болгарского царя Симеона стало одним из поводов конфликта с Византией.

В целом, власть князя Киевской Руси не была равна власти василевса — однако она была ограничена не властью византийского императора, но, как справедливо отмечал Л. В. Черепнин, «правами боярства и дружины, привилегиями самоуправляющихся городов, необходимостью соблюдать межкняжеские договоры, развитым иммунитетом крупных собственников, собственными обязательствами сюзеренами по отношению к вассалам и т. д.» [Черепнин, 1972, 360–364]. Скопировать всю систему государственного устройства из Византии Русь объективно не могла.

Полагаем, что определенные перспективы по указанной проблематике открывает подробное исследование всех византийских актов — от первых посланий до актов, связанных с учреждением патриаршества в Московской Руси и даже позднее, вплоть до третьей четверти XVII в. Сама автор указала, что хрисовулы могли использоваться императором как мера влияния на внешние территории, но тогда было бы неплохо проследить, как изменялся их текст на протяжении разных исторических периодов, какова была их юридическая сила и реальное влияние на положение дел на Руси.

Кроме того, необходимо задаться вопросом: можно ли вообще специфические русско-византийские отношения рассматривать через схему «вассал — сюзерен», которая относится к западной феодальной практике? Признание «вассалитета» автоматически переносит эту схему в правовую сферу русско-византийских отношений, тогда как основанием для подобного зачастую становятся упоминания в любых источниках любых фактов пусть даже номинального «подчинения», причем само содержание подобных «известий» неоднозначно. И. А. Шершнева-Цитульская применяет отношения сюзеренитета — вассалитета, надо думать, машинально, тогда как уже прот. Иоанн Мейендорф вполне справедливо указал, что подобные тексты (имеются в виду послания императора и т. д.) было бы ошибочно интерпретировать с позиций «западных политических представлений» о вассале и сюзерене, равно как и с позиций «национального государства» [Мейендорф, 1990, 19].

С одной стороны, Русь идеологически входила в состав «православной империи» и занимала в ней определенное место в иерархии. С другой стороны, в Древнерусском государстве была разработана своя доктрина власти, где князь по своему служению — «равночеститель» императору. У нас нет надежных источников, из которых бы следовало, что византийские императоры могли оказывать прямое управление землями Руси. Исследование же влияния византийского императора и патриарха на положение дел «у русских», юридического статуса их посланий и восприятие оных адресатом должно быть исследовано самым подробным образом, особенно с помощью византийских актов.

В связи с этим необходимо сказать, что И. А. Шершнева-Цитульская ставит некоторые проблемы, но, к сожалению, не углубляется ни в одну из них. Поэтому ее работа оставляет больше вопросов, нежели дает ответов, и многие из ее положений выглядят формалистскими — как можно признавать юридически значимыми факты, говорящие о номинальности явления?

Взгляды И. А. Шершневой-Цитульской наводят на размышления о методологических основах современных исследований правовых проблем древнерусской истории, особенно когда начинаются дискуссии в стиле «юристы спорят с историками». Исследователей здесь ожидает большая ловушка, когда без пристального источниковедческого анализа рассматриваемых свидетельств и фактов, без определения исторических условий эпохи, без детального знакомства с историческими работами прошлых лет делаются далеко идущие выводы.

Все высказанное в настоящей статье не умаляет значимости работы И. А. Шершневой-Цитульской, не должно рассматриваться истиной в последней инстанции, но является приглашением к дальнейшему обсуждению той важной проблемы, которую подняла исследовательница.

Источники и литература

Источники

1. БЛДР (1997) — Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. 543 с.
2. ПСРЛ (1926) — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. 286 с.
3. Россейкин (1915) — *Россейкин Ф. М.* Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1915. 491 с.

Литература

4. Дьяконов (1889) — *Дьяконов М. А.* Власть Московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI века. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 224 с.
5. Иконников (1889) — *Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев: Университетская типография, 1869. 577 с.
6. Кузьмин (2004) — *Кузьмин А. Г.* Крещение Руси. М.: Алгоритм, 2004. 416 с.
7. Литаврин (1967) — *Литаврин Г. Г.* Русско-византийские отношения в XI–XII вв. // *История Византии*. М.: Наука, 1967. Т. 2. С. 347–253.
8. Литаврин (2000) — *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). СПб.: Алетейя, 2000. 398 с.
9. Малахов (1995) — *Малахов С. Н.* Концепция мира в политической идеологии Византии первой половины X в.: Николай Мистик и Феодор Дафнопат // *Античность и средние века*. 1995. Вып. 27.
10. Медведев (1989) — *Медведев И. П.* Развитие правовой науки // *Культура Византии*, 2-я пол. VII–XII в. М., 1989. С. 216–240.
11. Мейендорф (1990) — *Мейендорф И., прот.* Византия и Московская Русь: очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris: YMCA-press, 1990. 440 с.
12. Православная энциклопедия — Византийская империя. Ч. II: Право и церковь // *Православная энциклопедия*. URL: https://www.pravenc.ru/text/372678.html#part_8 (дата обращения: 25.07.2022).
13. Соколов (1913) — *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1913. 578 с.
14. Шершнева-Цитульская И. А. (2022) — *Шершнева-Цитульская И. А.* К вопросу о церковной юрисдикции над русскими князьями в контексте русско-византийских отношений (XI — середина XV вв.) // *Христианское чтение*. 2022. № 3. С. 182–194.
15. Черепнин (1972) — *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII вв. // *Исторические записки*. 1972. Т. 89. С. 353–408.
16. Chrysos (1988) — *Chrysos Ev.* Was Old Russia a vassal state of Byzantium? // *The legacy of saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Proceedings of the International congress on Millennium of the conversion of Rus' to Christianity*. Thesalloniki 26–28 November 1988. Thesalloniki: Hellenic Association of Slavic Studies, 1992. P. 232–245.
17. Kämpfer (1993) — *Kämpfer F.* Eine Residenz für Anna Porphyrogenneta // *JGO*. N. 1993. Jg. 41. S. 101–110.
18. Macrides (1992) — *Macrides R.* Dynastic marriages and political kinship // *Byzantine diplomacy*. Aldershot, 1992. P. 380–410.
19. Mango (1998) — *Mango C. A.* Byzantium and its image: history and culture of the Byzantine Empire and its heritage. London, 1998. 724 p.
20. Obolensky (1971) — *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. London, Weidenfeld & Nicolson, 1971. 445 p.
21. Ostrogorsky (1936) — *Ostrogorsky G.* Die byzantinische Staatenhierarchie // *Seminarium Kondakovianum*. 1936. 8. S. 41–61.
22. Vasiliev (1932) — *Vasiliev A. A.* Was Old Russia a vassal state of Byzantium? // *Speculum*. 1932. Vol. 7. No. 3. P. 350–360.